

ную принадлежность, выступая языком глобализации. При этом он активно пересоздается, что выражается в диалоге повествовательных моделей, взятых из разнородных, а порой и взаимоисключающих традиций. Очень часто транскультурные писатели-иммигранты прибегают к технике коллажа, введению в английскую речь персонажей «родных» диалектизмов, метафор и пр. «Будете себя плохо вести — придет el ciso (медведь) и вас утащит», — страшит детей мать в романе Хулии Альварес. «Ау, рарі, мамі, пожалуйста, не надо», — просит ребенок... И так далее.

Общеизвестно, что язык тонок, проникает всюду, соединяя эмоции человека с его способностью к познанию мира. Литературное творчество «новых американцев» связывает вечные духовные ценности и читательскую реальность благодаря своеобразию использования языка.

В произведениях «новых американцев» английский язык как никогда демонстрирует свою способность к мутации. Некоторые исследователи считают, что язык этой литературы станет «Spanglish» (блистательным) в ближайшем будущем [2; 49].

Что касается национального самосознания, то его, пожалуй, лучше всего выразил китаец Джоан Ли: «Если говорить о восприятии культуры и ценностей, я — американец. Но если иметь в виду самоощущение..., я по-прежнему азиат или китаец. Я чувствую по-другому. Если вы спросите, что именно я чувствую иначе, я и сказать-то не сумею. Дело не в том, что люди относятся ко мне по-другому. Дело в том, что я сам — другой» [4; 263].

Интересное мнение в этом плане высказал и Василий Аксенов, эмигрировавший в Америку более 20 лет назад: «У меня есть глубокое убеждение, что человек, рожденный в другой стране, уже не станет американцем, несмотря на старания. Американцем можно только быть. Не зря есть такой закон, что президентом может стать только родившийся в США» [5; 283].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саид Э. Мысли об изгнании // Иностранная литература. 2003. № 1.
2. Zverev A. American Literature in the Age of Globalization // American Literature at the Edge of XX–XXI. Kyiv, 2004.
3. Тлостанова М. Эра Агасфера, или как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1.
4. Ли Дж. Азиатоамериканцы рассказывают о себе // Иностранная литература. 2003. № 1.
5. Аксенов В. Американским писателем я не стал // Иностранная литература. 2003. № 1.

Бигайша Зейнулльевна АХМЕТОВА —
и. о. доцента кафедры русской филологии
Костанайского государственного
университета им. А. Байтурсынова,
кандидат филологических наук

УДК: 811.161.1'282.2(254)

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА

АННОТАЦИЯ. Автор представляет результаты анализа фонологической системы костанайских диалектов. Особое внимание уделяется особенностям заднеязычных [к] и [г].

The author presents the results of her analysis of the phonological system in Kostanai dialects. Special attention is paid to the peculiarities of back-tongue consonants [k] and [g].

Изменение /кы, гы, хы/ в /к'и, г'и, х'и/ было одним из проявлений протекавшего в системе формирования парного противопоставления согласных фонем по твердости-мягкости. Фонетические изменения, связанные с утратой заднеязычными лабиовелярного характера, получили завершённый вид, так как не встречали противодействия фонетической системы того времени: согласные /к', г', х'/ появились как аллофоны заднеязычных /к, г, х/ перед [и].

Появление мягких /к', г', х'/ в славянской фонетической системе (в древнерусский исторический период эти согласные могли характеризовать лишь подсистему заимствованных слов: [к'и]ть, ан [г'е]ль, [х'и]тонь) создало материальную основу для последующего парного противопоставления заднеязычных, что уже относится к более позднему времени — к периоду развития национального русского языка.

Известно, что фонетико-фонологическая система национального языка продолжала развиваться как система консонантного типа. Корреляция по твердости-мягкости расширяет свои возможности, охватывая новые согласные, формируя новые сильные позиции и сокращая число слабых позиций. Парными по твердости-мягкости в нормализованном языке и части русских говоров становились [к—к'] и [г—г'].

Обратимся к окающим говорам Костанайской области. Здесь, как указывалось, благодаря наличию таких глагольных форм, как п'е к'от, б'ер'ег'от и подобные, выявляется противопоставленность двух твердых заднеязычных [к], [г] с мягкими фонемами /к'/, /г'/: вал'ком — волок'ом, куском — исп'ек'ом, молотком — заволок'ом (д. Крутоярка, Курское — 26 чел.); стогом — сожг'ом, м'игом — остр'и'гом, кругом — зажг'ом; так'и м'игом сб'егал // кругом добрыйе л'уд' и живу // с' ич' ас сожг'ом в'ес мусор со двора // в'итор на ул' ицэ уж кругом с'ил'он // давай разоблокаццо / спат уш пора ... // йэму фс' о вр' им' а кругом блазн'ит / што кто-то пр'ид'от ... можот кто к'исловйо молоко йест'и буд'от // м'игом закрой окно / а то фс'о остывайот шыпко // дайк'о обои-то ножом распъзгайу / йа-то н'е иду / дак'о под'и н'е см'ийот ... / а йа думала / ты ф тук'ом ... / загорода у нас бол'шайа ... как'о обр'ажаццо нач'ала фс'ем ч'асоф ... // св'ежова луцк'у с картоф'ил'йу // картошк'у пора бугр'ит / а то п'ер'ераст'от ... // йеш луцк'у // фс'о плат'ицо запатрала // т'еб'е н'е д'ефк'ой бы род'ица // поволок'ом мы это штол' двойом // дож' то шыпк'о пошол // окошк'о-то закрыл'и / столк'о было // (П. И. Костенкова, 73 года, д. Троебратное).

Парность согласных /к — к'/ и /г — г'/ в окающих говорах Костанайской области проявляется не только перед фонемой /о/, но и перед /и/, /ы/: кыска — к'иска «кисть для побелки» (к'иска б'ел'ит-то) — д. Гренадерка, «каркат, ворчит» — к'ирка, скыркат «скребет» — к'ир'к'а (куды уб'ежал К'ир'к'а-та) — д. Белоглинка Карабалькского района, кыч'иг'и «название звезд, по которым узнавали время» — к'ислова (К. П. Караева, 74 года, д. Богоявленка); кыргызы, к'ирп'ич'ик (д. Анновка, Тимирязевка — 18 чел.), кыска «кошка» (вон кыска молоко лакат) — к'ис'т'и (д. Бауманский, Пресногорьковка), башкырск'им — башк'и; т'е на башкырск'им говор'ат в'ит'йа когда-то пон'имал энтот йазык / у башк'и што-то см'ишалос потом // дом энтот сам по к'ирп'ич'ику клал в'ес' поч'т'и // (А. С. Карпухина, 69 лет, д. Песчанка).

Тынгыт — з г'итарой, н'е гыкайт'е «не смейтесь» — пог'иб'ел на ул'ис'е то тако пог'иб'ел // з г'итарой своей брынч'ат ф'с'о вр'им а // спасайс'и т'ип'ер а от их // н'е гыкайт'е / смолк'ит'е говор'ил'и мы // вот и пог'иб'ел' наша / жыз' т'ип'ер'а какова / пог'иб'ел' / кто как можь ... ран'шэ пог'иб'ел' от н'емцэф было // (П. Д. Красновская, 69 лет, д. Бауманский); кругы — дуг'и; внуч'ик говор'ит / смотр'и дуг'и / дуг'и / н'е можу пон'ат / показыват нав'ерх'у / и то радуг'и // эт'и кругы на полу сама в'азала // (Р. П. Рогожкина, 71 год, д. Речное).

Наличие гласного [ы] (вариант фонемы /и/) внутри слова после заднеязычных согласных (кыска, скыркат, кыргызы и подобные) можно объяснить воздействием тюркских диалектов. В области помимо казахов и русских проживают более тридцати тысяч татар и башкир.

В ряде окающих говоров мягкие [к'], [г'] встречаются в некоторых словообразовательных формах: короткашшой (ф коротк'ашшой уп'к'е ид'от) — д. Белоглинка, лофк'ашшой (ловк'ашшой сковород'н'ик / л' убу сковороду засэпл' ат хорошо) — д. Гренадерка, туг'аиушшой (пуговку — ту п'ер'ешэй / а то ворот стал туг'аиушшой / зб'ежалса) — д. Белоглинка.

Устранение чередований [к // ч] и [г // ж] (коротч'ашшой, лофк'ашшой, шатч'ашшой, тужаиушшой и подобные) и замена их [к // к'] и [г//г'] свидетельствует о развитии самостоятельной фонематической твердости-мягкости заднеязычных перед гласной фонемой /а/.

Как указывалось, в отдельных говорах противопоставление по твердости — мягкости заднеязычных наблюдается также на конце слова — в важнейшем для фонематической категории твердости-мягкости согласных положении, где последняя не связана с качеством гласного, например: л'ак (поч'о л'ак н'е розуфшы-то — д. Белоглинка), л'ек' (пол'ежы-ко л'ек' — д. Гренадерка).

Анализ диалектологических материалов показывает, что /к — к'/ и /г — г'/ входят (наряду с другими 24 сильными фонемами) в соотносительный ряд согласных по признаку твердости-мягкости.

Выше отмечалось, что в исследуемых говорах парность согласных /г — к/ (наряду с другими 20 сильными фонемами) по признаку звонкости-глухости проявляется в следующих позициях:

1) в положении перед гласными: б'ер'ег'ос'с' а — нап'ек'ос'са, ожг'от — п'ек'от, с'т'ер'ег'ит'е — толк'ит'е, выталк'иват (д. Пресногорьковка, Бол. Дубрава — 27 чел.); сус'етка наша нап'ек' о / нап'ек'от / а потом фс'ех угошат // ст'ер'ег'ит'е пушшэ глаза своего // б' ер'ег'ос'с'а потом бываль пойд'ом фс'ей гур'бой купаць // р'еб'ат'ишкам говор'им с'т'ер'ег'ит'е од'ежу нашу // заст'ел'ит'е им у пр'ихожу // топ'ер' а одн' и овраг'и и остануца ... // б'ел'йо мы г'олад' ил'и н'и ут'иг'ом / а катк'ом с вал'к'ом // н'и г'ер'ебуйеш с кон'кам'и вожжаца // с луцк'ом фкусно дайк'о обои йа ножом распозгайу ... к'исловато ч'о-то / ст'ер'иг'ом хоз'айсво нашэ // в г'ерман'ий н'е пойехавшы / так'и зд'ес'и (В. П. Глазкова, 73 года, д. Ряжское);

2) в положении перед сонорными: г'л'аш'о — к'л'ашшой (к'л'ашшой «очень сильный морос» — д. Троебратное, Веселый Подол — 9 чел.), г'л'евас — к'л'еват (д. Сибирка — 8 чел.); з'имой как с'ев'ер'е к л'ашшой бываает // йа и сам из с'иб'ир'и и пр'ийехал так вот // г'л' аш'о как // г'л'ед'и-к'о как'и б'ескровны ... // д'ержыт кл'о ч'к'и пон'имаш // бал'к'и к'л'адут туды // г'л'ан'ем з гармон'ей // балалайек у нас и было кажыс// (П. П. Валиева, 70 лет, д. Пресногорьковка).

Приведенный материал показывает, что в окающих говорах Костанайской области в положении перед некоторыми сонорными могут употребляться мягкие заднеязычные согласные.

Фонема /х/ в окающих говорах области в большинстве положений звучит твердо:

— в конце слова: за их, у н'еум'ех (д. Суворово, Ксеньевка, Чехова — 58 чел.); у фс'ех, бол' шых, зд' ишн' их, девах, буграх, д'ер'ивн'ах, у йаготках, софхозах, старух, которых (д. Новопавловка, Ломоносовская — 69 чел.); мушч'инах наших, у рубл'ах, на дн'ах, у домах, угл'ах, городах, на свад' бах, ф х'ромах, на вр'ем' ах, м' ешках, на подушках, горшэч' ках, п' итух, баушках, с' ем' ах, у л'уд ах, дош' еч' ках, о сынках, с'иб'ирск'их, животах, так' их, ф пол' ах, на завал' енках, на глазах (д. Михайловка, Бурли); ... сид'ел'и на завал' енках ... што цэрквах / мол'ит'ес'а с'еб'е на зд'ров'ах / ...

в д'етствах мы по м' иру б'егал'и // роскажут об фс'ех / об фс'ом на св'ет'е / ... а с двад'цатых готкоф сталь лутшэ / а потъм холхозы пошл'и // ... много цыганск'их было / фс'е ф с' ил'е знакомыйе / окром'а молодых // сус'ед' и выросл'и / фс'е мы туто выросл'и на глазах // ... на жэрновах молол'и / гор'ко нам было жыт'и гор'кайа л'ин'ийа нам досталос'о / казак'и ран'шо жэнш'ен воровал'и и роб'ат малых // ... у наших русской п'еч'к'и йес' лобовайа ч'ас' ... запр'ах корову / у хороших / с'ич'ас институтах уч'ас'и // (А. А. Кирова, 70 лет, д. Пресногорьковка);

— *перед гласными /у/, /о/, /а/:* худ'ет, худ' ин' к' а (д. Сибирка, Речное, Суворово — 23 чел.; хоткой, хоткаиа (лотка-та хоткаиа), холк'и (д. Речное, Ряжское, Анновка — 38 чел.); хутора, худ'ет'и, отдыхат' и, хот'ел, ход'ил'и, хорамой, холсты, хом'ак'и, хоз'айин, от усп'ехоф, колхозы, д'ужа л'иха, махорка, слыхат, к хатъм, ут'ихал, слухаит, по-стахановск'и, старуху, хот' бы, хорон' ат, хоч'еш, хул'ат, захо-рал; ход'ут, рубаху, страху (д. Варваровка, Веселый Подол, Чехова); ... ой страху нат'ерп'елас'а // рубаха с'уды ф комот зап'ехано // однажды пр'ихожу домой ... ф софхозы ступал'и // жэн' ихам'и / ... п'ишкам'и ход'ил'и // в д'ив'ич'ьств'ь была йа пл'ехановой п'етуку отр'езало хвосты / ... краснухой бол'ел' и // ран' шь и кухонный инв'ентар другой был // хорошо разм'ишай / м'ахон'к'ийе / съхорок фс'егда был // (К. Л. Гурова, 67 лет, д. Суворовский);

— *перед согласными:* храмл'от, ужахнулас «ужаснулась» (д. Федоровка, Ряжское — 16 чел.), отп'ехн'ос'с'а (д. Анновка — 7 чел.); ой как он хромал; хруст'ит, храмы был'и, хр'осный, храп'ит, хворсты, хр'ест, хрус' слыш; можа хто ч'итат; хр'есный, хвьтат, хвьстл'ива, храбр'ец, пахло, кухл'а, пухл'и, хрумкайет, хромовы (д. Троебратное, Миролубовка, Новопокровка, Чехова — 86 чел.); хромой т'ел'енок был // ноч'у хроп'ат фс'е // храбры был'и наши солдаты ... хр'есный йей пьдар'ил / н'и л'ехкайа жыс'-то // похвастан'с'а н'еч'ем нам // ход'ил'и б'ес'етку и по оч'ер'ед'и х кому кохда ... как'и храмы тохда // какой хрустал' был думайеш // отп'ехнулс'а и сл'ет простыл // ихн'ий дружок // хто-то попожэ пь / пр'иглашэн'ийу хто так // нав'ерно куда хр'ивайа пр'ив'ид'ет // ... сухар'ик'и внуч'ка хрумкат' л'уб'ит / похва-ла фс'ем нрав'итс'а (д. Краснопресненский, Демьяновка); бол'но хвасл'ивы он'и // хватал'и ково попало // хворый л'ижал тода // т'ажэла жыз' // хлама много от ево // хр'осный подар' ил йему // храмоф н'е в'идала / храмы крас' ивы кода слышу храп / спат' н'е можу в' ет' // хл'еп завод' ат ф квашн' е д'ер'ев'аной // прахт'ика штол' // помохла выташыт // н'ехтар пол'ез'ен // хран'им фс'е тайны ихн'ийи // пр'амо нос'и и с потхватом / воротн'ик ихн'е отложной // два шыфка на боках / н'е было похвату / ис сукна // хто энто знал // хромой порос'онок // хто што можэ / на кохту // хр' изамтемк' и штол' // отп'ихнула йево п'аново // хр'ист'инка запла-кала хто на кохту // хвал' ена ваша рыпка // тахта такайа была // (Л. П. Харлова, 68 лет, д. Бол. Дубрава);

— *перед гласными /и/и/е/* согласный [х] смягчается: х'итрой, глух' им'а, ор'ех'и, блох'и, снох'и (д. Суворово, Пресногорьковка — 32 чел.); по снох'е, на пастух'е, в ух'е, о старух'е (П. Д. Стручкова, 71 год, д. Сибирка); х'ижынк'и был'и; мах'ина, на курх'инской, с глух'им жив'от; Анох'ины, сух'им'а, плох'им' и, пол'икмах'ир'и, х'итр'ущ'ий, в ух'е, у снох'е, краснух'е, цыпух'и, мах'ен'ка, жылтух'е, толстух'и (д. Пресногорьковка, Федоровка, Речное — 29 чел.).

Заметим, что [х] перед [ы] невозможно у русскоязычного населения. Единичные случаи — звукоподражательные кахыкат «кашлять»: кахыт уж зач'ела (простыла) // (д. Ксеньевка того же района), товда н'е кахыкал // (д. Урожайный).

Так как твердая /х/ и мягкая /х'/ в исследуемых говорах не бывают в одинаковом положении, то мы должны признать твердый [х], выступающий в большинстве положений, основным видом фонемы, а [х'] — фонетически обусловленным вариантом этой фонемы.

Как указывалось, перед гласными [и] и [е] выступает мягкий вариант непарной твердой фонемы /х/: х'им'ик'и, бах'илы, крох'е (кроха, по крох'е наб'ирал'и), к потс'евах'е (д. Троебратное, Сибирка).

Кроме того, в окающих говорах Костанайской области, как и в литературном языке, глухая фонема /х/ может менять свое звуковое качество в конце слова перед звонкими согласными следующего слова. Здесь выступает [γ], который является вариантом непарной фонемы /х/: моу, у т'е γ дол'е жыл'и (д. Гренадерка, Пресногорьковка, Есенколь, Успенровка — 74 чел.); моу был / дак окошка-т'е утыкал'и (Д. А. Демина, д. Троебратное); кажный γот с'ейал'и // на с'ем' а б'ер'еут / ох / с'ем'а мноуо // с йеуо получ' ал' и / γр'еч'к' и н' ет // запр'ауал'и кьн' ей // моу сам постав'ит (В. Т. Касьянова, д. Пресногорьковка) д'евъч'ка была γълос иль // пр'ин'есл'и γ дохтору / а тамо / што она зоразнайа // бол'ит у н'ево γрут' // фс'о ход' ила тол'ко γовар'ила / коуда итт'и // γроп и вын'есл' и тоуда опомн'ил'ис' // γроб'ит'ел'и думал'и //... а γром как γр'ан'ет / б'еут фс'е россыпну // бутто посудой γр'ем'ат // как'и-то γрошы // (Г. Г. Стеницкая, д. Есенколь).

Заднеязычные согласные в положении перед гласными в качественном отношении в говорах Костанайской области обычно ничем не отличаются от их употребления в литературном языке.

Только в отдельных словах на месте согласного [х] перед гласными слышится звук [к]: коровот, каракт'ер, коровод'ит, корон' ит, кран' ил, каракт'ерный, корошо (д. Бол. Дубрава, Койбагор, Безымяновка, Тимирязевка — 45 чел.); такой каракт'ерный как от'ец / кода корон'ил'и / так плакъл // да корошо жив'ом // какой там коровот // (М. М. Горицына, д. Бол. Дубрава). Слово же «колхоз» и производные от него в ряде говоров произносятся с [х] на месте [к]: холхоз, холхозн'ик, холхозн'ица, по холхозам, холхозн'икам; бывший холхоз // холхозн'икам и с'ено / и дрова довал'и // холхознойе вр'ем'ич'ко давно прошло / а было холхозн'икам н'еплохо // холхозныйе собран'иия ход'ил'и фс'е / нам было инт'ир'есно по холхозам сор'ивновал'ис' дажэ // холхозный пр'итс'идат'ел' сл'едил // хран'ит д'ир'евн'а свои тайны // холошы над'ивал'и // кокламск'ийе узоры // вып'ей-ко воды с холотца // наша хладб'иш'а дал'ековато // (Р. А. Холодова, 70 лет, д. Койбагор).

Жители имеют / к / вместо / х / в словах: корон'ит, пазука, покорон'ит, кл'еп, кл'ебн'ица, с пазукой, сукой // колостой был / корошо л'и это / ран'екон'ка, нос'ит у кату; как у кр'иста за пазукой // воз'и сукойе полот'енцэ // он што-то коч'ет сказат' // кромой т'ел'онок наш // скорон'ил'и на тогда на бугр'е // пудок с'ем'д'ис'ат с'ем' кл'еба // коз'айин дома // пр'иклопн'ет дв'ер'м'и // (д. Чапаева, Новопокровка, Койбагор). Во всех этих случаях появление к, несомненно, вызвано не фонетическим изменением [х], а той или иной ассоциацией с образованиями, имеющими [к].

В казахстанских говорах в тождественных условиях могут выступать согласные [х] и [ф]: хул'иган — фул'иган, кухн'а — куфн'а, хом'ек'и — фом'ек'и (д. Огнеупорное, Ермаковка, Магнай, Аккудук); фул'иган'ат под окнам'и // фом'ек'и ф пол'е // а фс'о у нас н'и так // фрос'ка пр'ин'есла // тода мужа йенново оддал'и ф солдаты / он буквы н'и знал // как халшш'овы кохты шут // на куфн'е стоит // пром'ежду пал'цэф — т'и крох т'окла ... с'ич'ас фс'е ф тапкьх // х'одор'иваныч' был пр'етс'идат'ел'ем нашим / н'еплофой // (К. Д. Башкова, д. Аккудук).

В говорах Карабалыкского, Карасуского районов мена / х — ф / наблюдается в окончаниях прилагательных и неличных местоимений в родительном и предложном падежах множественного числа: добрыф, у друг'иф, в мойф, в лоткаф (д. Западное, Лимановка, Целинное, Дальнее — 27 чел.); у ково как'иф кап'итала // так'иф маловато // у мойф ротств'енн'икоф // у добрыф л'уд'ей жыл // (П. Т. Архипова, д. Целинное).

Фрикативное произношение [ɣ] наблюдается в акающих говорах южнорусского типа: уорат (д. Ксеньевка, Сибирка), пауода (д. Белоглинка), ур'атка, ур'иуор'ий, уул'анка, ул'ина, уьнч'арам, уарщк'и, мауот, крууи, друуам, уеш; ... и так и этък уавар'ат / а кауда калхос стал // (д. Пресногорьковка); уром ур'ем'ит / молн'ийа св'иркн'ет // ур'иша тоуда был мал'ен'к'ий // у'еройи нав'ерно // у (д. Архангельское). [ɣ] слабо поддается влиянию окружающей диалектной среды и литературного языка.

В слабой позиции наблюдается изменение /ɣ/ > /x/: крууа — крух, памаула — памох (Е. Т. Ушакова, 68 лет, д. Бол. Дубрава), крууом — вакрух (д. Ряжское).

Устойчивость фрикативного [ɣ] наблюдается и в тех населенных пунктах, в которых часть населения употребляет взрывной звук [ɣ]. Например, состав жителей д. Кособа Карабалыкского района по своему происхождению неоднороден: в нем, кроме старожилов, живут переселенцы из южнорусских областей, прибывшие сюда в начале прошлого столетия. В говоре этой деревни до сих пор слышится и взрывное и фрикативное произношение звука [ɣ]: дуга — дууа, луга — лууа, гнат — унат', могла — моула; ур'ез'ил'еч'ен'ий надо // поч'о друуа-то остав'ил // йауот хватайе // бабой урун'ей звал'и // до с'их пор ууд'ит в ушах // т'е уруз'д' и // урушы н'е растут // уор'ит-то как хорошо // был в г'ерман'ийе // сам-то с горшка // в каком году н'е помн'у // йач'м'ен' на глазу // он такой гордый в'ес' / в' идал'и мы тожэ так'их // грош цэна им // уш много годоф // (У. В. Кушнерук, 70 лет).

В некоторых акающих старожильческих говорах фрикативный звук [ɣ] зарегистрирован в словах: боуатой, уоспот' (д. Сибирка, Гренадерка), а иногда, кроме того, в положении перед суффиксом -л- в глаголах прошедшего времени: л'еула, б'ер'еула (д. Богоявленка, Чехова, Пресногорьковка, Есенколь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокобаев М. К. Говор западных поселений Горькой линии. Алма-Ата, 1965.
2. Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
3. Ягунова Е. В. Восприятие согласных фонем и их дифференцированных признаков. СПб., 1994.

Раиса Николаевна ХВОЩ —
декан факультета экономики и управления
Тюменской государственной
архитектурно-строительной академии,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.111

«ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ» КАК ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор рассматривает формирование глобального человечества с точки зрения проблемы выделения глобального языка международного общения, показывает роль «глобального английского» и его специфику в этом качестве.

In this article the author considers the development of the global mankind from the point of view of the global language emergence for international communication and describes the role of «Global English» and its specific character.